

О НЕКОТОРЫХ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ

Ю. А. Дымант, Е. А. Княжева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 8 июля 2013 г.

Аннотация: в статье представлена проблема соотношения свойств первичности и вторичности переводного текста в ситуации смены парадигм и смещения фокуса исследований на субъект речевой деятельности. Анализируются основополагающие характеристики перевода, подтверждающие его безусловную, но не абсолютную вторичность. В качестве основных критериев разграничения первичных и вторичных текстов рассматриваются процесс создания текста и формирование замысла.

Ключевые слова: перевод, первичные и вторичные тексты, личность переводчика, модель создания текста, классификация вторичных текстов, фактор цели.

Abstract: the article reviews the problem of proportion of primary and secondary features in the text of translation in connection with the paradigm shift and growing interest to subjective factors of translation process. Essential features of translation that demonstrate its certain, though relative, secondary character, are analyzed. The process of text production and ideas on which it is based are considered as main distinction criteria between primary and secondary texts.

Key words: translation, primary and secondary texts, translator's personality, text production model, secondary texts classification, aim of translation.

Переводоведению, как и любой другой науке, свойственна смена парадигм. И хотя на Западе этот процесс начался несколько раньше, в отечественной теории перевода в последнее время также активно разрабатываются дескриптивный и антропологический подходы, в дополнение к доминировавшему ранее прескриптивному. Так, в период становления лингвистической теории перевода большое внимание уделялось требованиям к «хорошему переводу» и тем нормам, которым он должен соответствовать. Причем нормы эти могли не только варьироваться в зависимости от доминировавшей в то или иное время переводческой концепции, но и изменяться на абсолютно противоположные. Данная ситуация получила точное и остроумное выражение в «парадоксах перевода», сформулированных английским исследователем Т. Сейвори: 1) перевод должен передавать слова / мысли оригинала; 2) перевод должен читаться как оригинал / как перевод; 3) перевод должен отражать стиль оригинала / стиль переводчика; 4) перевод должен читаться как произведение, современное оригиналу / современное переводчику; 5) перевод может / не должен допускать добавления и опущения; 6) перевод стихов должен осуществляться в прозе / в стихотворной форме [1].

Вопрос о том, каким должен быть перевод, не теряет своего дискуссионного характера и сегодня. С одной стороны, существуют хрестоматийные требо-

вания, предъявляемые к переводу и переводчику, к которым относятся адекватность, эквивалентность и точность, а также принцип «невидимости» переводчика. С другой стороны, в рамках различных подходов под адекватностью и точностью понимается далеко не одно и то же [2, с. 191–192]. В частности, в русле теории скопоса, получившей довольно широкое распространение как в зарубежном, так и в отечественном переводоведении, адекватность перевода трактуется как соответствие перевода поставленной цели. Что же касается принципа невидимости переводчика, то и данный критерий также далеко не абсолютен, поскольку сегодня уже никто не отрицает существования такого феномена, как индивидуальный переводческий почерк. К примеру, В. В. Набоков, переводя роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», ставил перед собой цель создать у читателей как можно более полное представление о произведении русского поэта, что привело к изменениям в форме: стихи были переданы прозой. При этом цель, поставленная переводчиком, была достигнута, хотя общепринятым «правилам» этот перевод и не соответствует [3; 4]. В же время, переводя «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла, Набоков, наоборот, сохраняет в большей степени именно форму сказки, стремясь воздействовать на детскую аудиторию современной ему России, и превращает Алису в Аню, футы в версты, а нормандское завоевание в войну 1812 года [3].

Растущее внимание именно к личности переводчика отмечают в своей работе В. Б. Кашкин и Е. А. Княжева: «С развитием антропоцентрического направления исследовательский интерес переместился на изучение языковой личности, с объекта и результата – на субъект речевой деятельности и на саму деятельность. Привычная дихотомия “процесс/результат” перевода дополняется еще одним ключевым звеном: личностью переводчика, его представлениями, стратегиями, действиями» [5, с. 136].

Интересно и то, каким образом в ситуации смены парадигм рассматривается такое основополагающее свойство перевода, как вторичность по отношению к оригиналу. Если в рамках прескриптивного подхода данный параметр являлся своего рода аксиомой, то теперь начинает звучать мысль о том, что перевод сочетает в себе черты как вторичного, так и первичного текста, причем их четкое разграничение порой весьма затруднительно [6; 7]. Связано это опять-таки с теми факторами, которые оказывают решающее влияние как на процесс, так и на результат перевода и к которым относятся *цель перевода и языковая личность переводчика*. Перевод, в особенности художественной литературы, традиционно считается полноценным представителем оригинала в другой культуре, дающим ему «вторую жизнь». Однако при этом далеко не всегда переводчик следует исключительно замыслу автора: являясь полноценной языковой личностью, он может сознательно или неосознанно привносить в текст существенные изменения. И в таком случае вопрос о вторичности перевода требует проведения дополнительных исследований. Кроме того, многое зависит от восприятия конкретного переводного текста в принимающей культуре. Нередки случаи, когда перевод настолько утрачивает связь с оригиналом, что становится для носителей культуры самостоятельным, т.е. первичным, текстом. Наиболее яркими примерами таких переводов являются текст Библии и переводы басен.

Учитывая всё сказанное выше, вопрос о вторичности перевода, а точнее, соотношении вторичности и первичности в переводе, представляется весьма актуальным. Существует немало примеров того, что порой первичность в переводе выходит на первый план (к данной категории переводных текстов можно отнести и упомянутые выше переводы Набокова). Прецеденты такого рода, без сомнения, интересны для научного исследования, несмотря на то, что представляют собой скорее исключение, чем закономерность. Корректная квалификация подобных «парадоксальных» результатов перевода, равно как и дальнейшая разработка оценочных моделей, требует уточнения и систематизации существующих сегодня теоретических взглядов. Поэтому цель данной работы как необходимого этапа исследования – выявить

онтологические свойства перевода, которые свидетельствуют в пользу его вторичной природы.

Начать, пожалуй, стоит с рассмотрения понятия вторичного текста вообще. Проблема определения вторичных текстов, их свойств и особенностей, а также построения различных моделей и классификаций относится к разряду междисциплинарных, поскольку может рассматриваться с позиций литературоведения, лингвистики, теории текста, дериватологии. К вторичным по разным классификациям можно отнести довольно широкую группу текстов: от пересказов, рефератов и сопутствующих первичному текстам (комментарии, предисловия и т.п.) до пародий, стилизаций и адаптаций. Исходя из существующих определений вторичного текста, можно сделать следующий вывод о его ключевых особенностях: вторичный текст создается после первичного, на его основе и не может функционировать самостоятельно, в отрыве от первичного. Следовательно, перевод является особым типом вторичного текста, отличающегося от всех остальных как раз тем, что служит заместителем оригинала и воспринимается читателем как оригинал.

В русле современного переводоведения понимание вторичной природы переводного текста базируется на лингвистическом подходе, в соответствии с которым вторичное возникает в результате воздействия первичного на сознание субъекта и его последующей обработки. Иными словами, первичное и вторичное (в нашем случае – оригинал и перевод) «связаны, во-первых, генетически (первичное «рождает» вторичное), во-вторых, хронологически (первичное предшествует вторичному), в-третьих, онтологически (бытийность первичного и вторичного взаимообусловлены)» [6].

Принципиальным же моментом, своего рода гранью между первичным и вторичным текстом, является процесс *формирования замысла*. Ведь оригинал задумывается автором на основе его собственных идей и мыслей, его опыта. Вторичный же текст (перевод), независимо от того, насколько он близок к исходному, всегда строится на основе первичного: его содержания, формы, функции и стиля. При этом задачи перед автором вторичного текста могут стоять совершенно разные: от репродукции, воссоздания оригинала (его содержания и формы, причем как вместе, так и по отдельности) до передачи лишь отдельных его аспектов или адаптации под конкретные обстоятельства. На этой основе в дальнейшем может быть разработана модель процесса создания вторичного текста (и перевода), которая отражала бы возможные варианты и демонстрировала вторичную сущность перевода. Теперь обратимся к существующим на сегодняшний день теоретическим концепциям порождения вторичного текста.

В основе одной из таких моделей, предложенной А. И. Новиковым, лежит идея о том, что любой текст обладает свойством сворачиваемости и разворачиваемости. При этом, безусловно, невозможно говорить о процессе создания вторичного текста, не рассмотрев модель порождения первичного, которая представлена следующим образом: сначала у автора под воздействием ряда факторов формируется замысел текста. К этим факторам относится, во-первых, предмет описания, т.е. тема будущего текста, которая существует вполне самостоятельно и может стать основой для создания множества потенциальных текстов (автор объединяет их в парадигму текстов-синонимов). Однако впоследствии тема уходит на второй план, так как определяющими для конкретного текста являются такие субъективные факторы, как цель создания, задача автора, определенный аспект рассмотрения заданного предмета, ситуация создания текста и т.п. При этом исследователь разграничивает *содержание* и *смысл* текста и вводит понятие *денотатной структуры* как объективной составляющей текста, под которой понимается его предметно-тематическое содержание. Денотатная структура, таким образом, представляет собой свернутый текст, его инвариант, на основе которого затем, развернув денотатную структуру, можно создать вторичные тексты. Под смыслом же текста понимаются все те субъективные значения, которые, во-первых, закладываются самим автором, а во-вторых, создаются за счет асимметрии языкового знака и речевой множественности, предполагающих вариативность интерпретаций. Таким образом, текст создается на основе темы, замысла и их взаимодействия в сознании автора.

Модель создания вторичного текста строится по тому же принципу. Разница состоит лишь в том, что в качестве предмета описания, как мы уже говорили, выступает теперь первичный текст. Следовательно, перед автором вторичного текста стоит задача понять содержание первичного, его тему, т.е. произвести свертывание текста до его денотатной структуры. На данном этапе опять-таки существует возможность создания множества потенциальных вторичных текстов. Конкретный же текст становится результатом взаимодействия темы первичного текста (как ее понял автор вторичного текста) и замысла автора вторичного текста. Таким образом, предлагаемые Новиковым модели подтверждают мысль о том, что

ключевым различием в порождении первичных и вторичных текстов является принцип формирования замысла [8].

Интересно рассмотреть основанную на таком подходе модель перевода как вторичного текста, предложенную Н. М. Нестеровой. Так как главным отличием перевода от других видов вторичных текстов является *функциональная равнозначность оригиналу*, то при его создании должно учитываться не только содержание исходного текста, но и смысл (исключение составляют тексты, ориентированные только на содержание). Немаловажную, если не ключевую, роль при этом играет личность переводчика как получателя оригинала, по-своему его интерпретирующего. Процесс перевода в предложенной Нестеровой модели состоит из следующих элементов: 1) T_1 – первичный текст (оригинал), постоянно проецирующийся на 2) сознание переводчика, в результате реакции которого первичному тексту дается определенная рациональная и эмоциональная оценка (причем эта оценка будет различной в каждом конкретном случае), и путем многократного «набрасывания смыслов» формируется 3) смысловой комплекс, на основе которого появляется 4) замысел перевода (куда входят, безусловно, и цели, поставленные переводчиком) и создается собственно 5) T_2 – вторичный текст перевод (см. рисунок).

При этом смысл текста всегда будет варьироваться, так как «принадлежит личной сфере переводчика» [6].

Следующим этапом построения модели будет выявление как раз преследуемых автором вторичного текста целей, в зависимости от которых может меняться процесс (и результат) перевода. Если в процессе создания вторичного текста происходит развертывание денотатной структуры, т.е. воспроизведение содержания, то по данному критерию (с учетом приведенных выше моделей) можно выделить следующие цели перевода: 1) полное или краткое воспроизведение содержания; 2) изменение содержания или воспроизведение лишь некоторых его аспектов – адаптация. Когда речь идет о переводе, особенно художественном, то, помимо содержания, должна, безусловно, учитываться и форма. Здесь также возможны два варианта: форма либо изменяется, либо передается. Причем передать форму переводчик может как имплицитно (постараться подобрать макси-

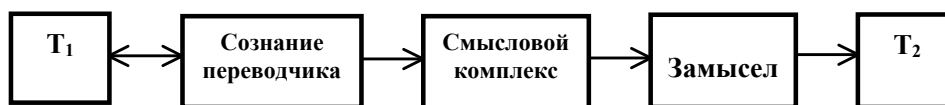

Рисунок. Модель порождения перевода как вторичного текста

мально адекватную оригинальной), так и эксплицитно (как это сделал, например, В. В. Набоков в комментариях к своему переводу «Евгения Онегина», где он анализирует сюжет, стихотворную организацию, лингвокультурные реалии, особенности пушкинского языка, а также объясняет, какое воздействие оказывает поэзия Пушкина на русскоязычных читателей, как воспринимается ими мелодика его стихов [3; 4]). То же самое касается и смысла исходного текста. Примером эксплицитной передачи смысла могут служить переводческие комментарии и сноски, которые применяются переводчиком как целенаправленно, в рамках осознанной стратегии, так и в качестве единственно возможного способа донести смысл до читателей (к примеру, в случаях с «непереводимой» игрой слов).

Такой подход к процессу создания вторичного текста, обусловленному определенными целями, пересекается с классификацией, предлагаемой С. В. Ионовой. В основе данной классификации также лежит идея сворачиваемости и разворачиваемости текста. Следовательно, во вторичном тексте (в нашем случае в переводе) в том или ином виде находит отражение тема первичного, его содержание, а сам текст варьируется в зависимости от цели перевода и фактора личности переводчика. Вторичный текст, и перевод в том числе, может приобретать различные формы, порой даже радикально отличающиеся от формы оригинала, в зависимости от стоящих перед переводчиком задач. На этом основании вторичные тексты могут классифицироваться по структурному, семантическому и функциональному признаку.

Структурный признак основан на уже упомянутой выше способности текста к сворачиваемости, и вторичные тексты, таким образом, разделяются по степени точности воспроизведения исходного текста на развернутые, полуразвернутые и свернутые. Развернутые тексты ориентированы на точное соответствие исходному тексту по содержанию и отчасти по форме. К ним автор относит реферат, конспект, подробный пересказ. В полуразвернутых текстах сохраняется лишь инвариантное содержание исходного текста, при этом его структура и форма претерпевают значительные изменения. Данный тип включает краткий пересказ, резюме, аннотацию, конспект-план, конспект-схему, реферат-резюме. В процессе создания таких текстов основным моментом является извлечение из оригинала нужной информации и ее последующее воспроизведение в другой языковой и структурной форме. Свернутые вторичные тексты отличаются от первых двух типов отсутствием эксплицитной логической и структурной связи между элементами. К ним относятся так называемые тексты-примитивы или тексты-компакты: наборы ключевых слов, планы, заголовки, названия рубрик и т.п. Если определять

место перевода в данной группе, то к первому типу будет тяготеть полный письменный перевод, направленный на создание функционального аналога оригиналу в другой культуре. В то же время ко второму типу можно отнести, к примеру, реферативные переводы: перед переводчиком в данном случае стоит задача не полностью воссоздать текст, а передать необходимую информацию, определенным образом преобразовав при этом структуру оригинала.

Семантическая классификация включает в себя вторичные тексты, направленные на уподобление или расподобление тексту-основе по содержанию или форме. То есть речь опять-таки идет о том, насколько вторичный текст оказывается близок к первичному. Перевод как вид вторичного текста в идеале должен стремиться к максимальному уподоблению как по содержанию (и смыслу), так и по форме. Расподобление же в случае с переводом может быть как случайным (тогда речь идет об ошибке, неверном восприятии и воспроизведении оригинала), так и намеренным (к примеру, сознательное изменение формы оригинала при переводе).

Третий признак – функциональный, представляется весьма значительным применительно к переводу, так как семантическая и структурная составляющие в конечном итоге выливаются в определенную функцию, выполняемую первичным текстом. И в процессе создания вторичного текста очень многое будет зависеть от того, собирается ли переводчик эту функцию сохранить. По функциональному признаку выделяют репродуктивные, интерпретирующие, адаптирующие вторичные тексты и тексты-имитации.

Репродуктивные тексты предназначены для наиболее полного воспроизведения текста-основы. При переводе такой вид будет подразумевать сохранение не только содержательной, но и формальной стороны исходного текста. Примером полной репродукции является перевод романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», выполненный В. В. Набоковым, и рассуждения по этому поводу самого переводчика: «Надо дать понять английскому читателю, что проза Лермонтова далека от изящества: она суха и однообразна, будучи инструментом в руках пылкого, вероятно даровитого, но явно неопытного молодого литератора. Его русский временами так же коряв, как французский Стендаля; его сравнения и метафоры банальны; его расхожие эпитеты спасает разве то обстоятельство, что им случается быть неправильно употребленными... И все это переводчик обязан скрупулезно воспроизвести, сколь бы велико ни было искушение заполнить пропуск или убрать лишнее» [9, с. 220]. Однако репродуктивный вторичный текст не обязательно будет передавать и форму, и содержание. Он может соответствовать исходному тексту и в каком-либо одном аспекте. Так, в предисловие к

своему переводу Набоков включил подробный пересказ романа Лермонтова, который является репродуктивным в содержательном плане, в полной мере отражая тематику и смысл романа, и при этом кардинально отличаясь по форме.

Тексты интерпретирующего типа можно рассматривать в рамках постмодернистских идей о том, что чтение и восприятие представляют собой активную деятельность читателя по интерпретации текста и достраиванию смысла, и что единственно верного прочтения нет и быть не может. Связано это с идеями о том, что любой текст, помимо опыта самого автора, строится еще и на значениях, смыслах и ассоциациях, заложенных в самом языке, и таким образом, слова всегда значат больше, чем мы в них вкладываем. Получается, что язык, как отмечал еще Р. Барт, выступает как средство «понуждения», и человек неизбежно превращается в «пленника чужих и даже собственных слов» [10]. Далее, в процессе восприятия, на исходный текст накладывается еще и сознание читателя, а значит, создание вторичного текста в данном случае будет обусловлено столкновением двух сознаний, двух личностей: автора исходного текста и автора вторичного текста (в том числе и переводчика). Очевидно, что текст при этом будет претерпевать определенные изменения, трансформации, обусловленные целями создания вторичного текста, коммуникативной ситуацией и личностью автора. Меняются семантическая составляющая исходного текста, а также его организация. Эти изменения Ионова разделяет на следующие типы: 1) сокращение/увеличение; 2) изменение статуса; 3) изменение способа концептуализации информации [9]. При этом интерпретация может затрагивать как весь текст, так и отдельные его части, опять же в зависимости от цели преобразования и от того смысла, который в ходе прочтения извлек из оригинала первый получатель, он же автор вторичного текста.

Адаптирующие вторичные тексты служат для приспособления к новой коммуникативной ситуации. В текстовых адаптациях различного характера (комментарий, толкование, научно-популярная статья, текстовые версии для детей) акцент может быть сделан на разных аспектах исходного текста. В результате текст может упрощаться или усложняться, изменяться его структура, языковое оформление и даже жанровая принадлежность. Все трансформации в данном случае опять же будут обусловлены целями создания вторичного текста, его функцией, а также фактором адресата. Одним из примеров такой адаптации является стратегия доместикации при переводе, когда переводчик подстраивает оригинал под особенности принимающей культуры.

Тексты имитационного типа направлены на воссоздание формы исходного текста, авторского стиля

и способа описания предметной ситуации, а их содержательная составляющая отличается от оригинальной. Обязательным условием адекватного восприятия таких текстов является знание читателями протослова, исходного текста. В противном случае вторичный текст перестает функционировать как стилизация (пародия, подражание и т.д.) и выступает уже в роли самостоятельного текста [9]. То есть речь идет уже о таких типах вторичных текстов, к которым перевод по умолчанию принадлежать не может, так как выполняет иную функцию.

Говоря о цели создания вторичного текста, необходимо отметить значимость таких факторов, как восприятие этого текста (перевода) получателями и, следовательно, место, занимаемое им в принимающей культуре. Ведь когда речь идет о художественном переводе, то возможны, как это не раз отмечалось, два пути: с ориентацией на культуру и нормы языка перевода или с ориентацией на культуру и нормы исходного языка [11]. Следовательно, и восприниматься читателями такие переводы будут по-разному: в первом случае переводчик действительно будет незаметен, как и сам факт перевода, в то время как во втором – за незнакомыми, новыми формами и языковыми приемами будет угадываться иноязычный оригинал. Интересно, что при этом восприятие читателей далеко не всегда совпадает с действительностью: о том, что Библия является переводом, да еще и неоднократным, носители языка перевода и принимающей культуры, как правило, не задумываются, как и о том, что «Дон Кихот» Сервантеса изначально создавался как пародия на рыцарские романы.

Еще одним способом описания процесса создания вторичных текстов, также основанным на свойстве сворачиваемости / разворачиваемости, является деривационный подход. В частности, Н. В. Мельник предлагает две модели (или стратегии) создания вторичного текста: ономаσιологическую и семасиологическую.

В соответствии с первой стратегией, во вторичном тексте осуществляется воспроизведение означаемого, однако в отрыве от означаемого, т.е. передаются лишь содержание и смысл, что приводит к определенным сдвигам в плане выражения, и, как следствие, в смысловом плане. При этом в рамках данной модели возможны различные варианты реализации, обусловленные тем, какой именно содержательный аспект первичного текста, какую тему и каким образом решил отразить автор вторичного текста, сосредоточив внимание на предметно-логическом или художественном описании и т.п. В данном случае решающее воздействие оказывает создатель вторичного текста, т.е. преобладает субъективный фактор. Применительно к переводу такая вариативность пересекается с концепцией испанского философа Хосе Ортеги-и-

Гассета, который определял перевод как «приспособление, техническое средство, приближающее нас к оригиналу и не претендующее на то, чтобы его повторить или заменить» на том основании, что для наиболее полного воспроизведения оригинала потребуется множество вариантов его перевода, каждый из которых воспроизводит бы содержание, форму, стиль и т.п. [12].

В соответствии с семасиологической стратегией (моделью), в процессе создания вторичного текста воспроизводятся и содержание, и форма, что приводит к меньшим инновациям. В качестве одного из проявлений воспроизведения формы оригинала можно назвать попытку воспроизвести индивидуальный стиль автора. В этом случае большее влияние оказывает уже объективный фактор – сам текст-оригинал. Такая модель, однако, тоже подразумевает определенную вариативность: форма первичного текста может быть отражена во вторичном как имплицитно, так и эксплицитно. В первом случае автор вторичного текста подражает автору оригинала, а во втором – описывает форму первичного текста, авторский стиль и манеру письма. В чистом виде данные модели, безусловно, не встречаются, однако в любом случае на первый план при создании вторичного текста будет выходить либо субъективный, либо объективный фактор.

Нельзя не заметить определенной параллели, которую можно провести между рассмотренными выше моделями создания вторичного текста и двумя противоположными стратегиями вольного и буквального перевода. Однако, как показывает анализ переводных текстов, данный вопрос весьма неоднозначен. С одной стороны, ономазиологическая модель соответствует вольному переводу, так как упор делается только на смысл, другими словами, на «дух» текста, с преобладанием субъективных факторов и большей ролью переводчика как создателя вторичного текста. Форма при этом может утрачиваться как в результате языковых различий и жанрово-стилистических норм, так и вследствие сознательного отказа от ее воспроизведения, например при переводе стихов прозой, как это сделал В. В. Набоков. При этом текст перевода сопровождается объемным комментарием, относящимся в том числе и к форме произведения, и авторскому стилю. То есть ономазиологическая стратегия сочетается в данном случае с эксплицитным вариантом семасиологической. В то же время перевод, особенно художественной литературы, зачастую являясь вольным, требует сохранения как содержания, так и формы. Поэтому, если допустить, что семасиологическая модель соответствует буквальному переводу, стоит сразу отметить, что в данном случае под передачей формы оригинала будет пониматься сохранение его структур (грамматических, синтак-

сических, макротекстовых), т.е. внутренней формы текста. Справедливо применительно к переводу и утверждение о том, что ни одна из стратегий не встречается в чистом виде. Как правило, имеет место их комбинация с преобладанием того или иного подхода (объективного или субъективного), выбор которого во многом зависит от личности переводчика и ситуации перевода.

Дальнейшее изучение данной проблемы видится авторам в исследовании свойств вторичности и первичности переводного текста и характера их соотношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швейцер А. Д. Теория перевода : статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – Либроком, 2012. – 216 с.
2. Княжева Е. А. Переводческий анализ текста и качество перевода / Е. А. Княжева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 190–195.
3. Княжева Е. А. Владимир Набоков / Е. А. Княжева, Ю. А. Дымант // История переводов: мастер и мастерство : учеб. пособие / Л. И. Гришаева, Н. А. Фененко. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр ВГУ, 2011. – Ч. 2. – С. 9–31.
4. Княжева Е. А. О переводческом методе В. В. Набокова / Е. А. Княжева, Ю. А. Дымант // Язык, коммуникация и социальная среда=Language, Communication and Social Environment : ежегодное науч. изд. / под ред. В. Б. Кашкина. – Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2012. – Вып. 10. – 270 с. – С. 231–247.
5. Кашкин В. Б. Концептуализация перевода в обыденном сознании и научном представлении / В. Б. Кашкин, Е. А. Княжева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 136–141.
6. Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода : дис. ... д-ра филол. наук / Н. М. Нестерова. – Пермь, 2005.
7. Bassnett Susan Translation Studies (New Accents) / Susan Bassnett // Routledge, 3 edition, 2002. – 192 p. – Mode of access: <http://x11.ir/wp-content/uploads/2012/11/Translation-Studies.pdf>
8. Новиков А. И. Концептуальная модель порождения вторичного текста / А. И. Новиков, Н. Л. Сунцова // Обработка текста и когнитивные технологии. – Пушкино, 1999. – № 3. – С. 158–166.
9. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов : монография / С. В. Ионова ; Волгоград. гос. ун-т ; науч. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 380 с.
10. Барт Р. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – Режим доступа: [access: http://royallib.ru/read/rolan_bart/semiotika_poetika_izbrannie_raboti.html#0](http://royallib.ru/read/rolan_bart/semiotika_poetika_izbrannie_raboti.html#0)

11. *Venuty L. The translator's invisibility : a history of translation / L. Venuty // Translation Studies / Comparative literature / ed. by Susan Bassnet and Andre Lefevre. – L. ; N.Y., 2003. – Mode of access: <http://www.translationindustry.ir/uploads/pdf/venuti.pdf>*

Воронежский государственный университет

Дымант Ю. А., аспирант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: yu.dymant@gmail.com

Тел.: 8 (473) 222-73-62

Княжева Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: knel@cs.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 222-73-62

12. *Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода / Х. Ортега-и-Гассет. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Psychology/Gasset/NischetaBleskPerevoda.htm>*

Voronezh State University

Dymant Yu. A., Post-graduate Student, of the Translation and Intercultural Communication Department

E-mail: yu.dymant@gmail.com

Тел.: 8 (473) 222-73-62

Knyazheva E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Translation and Intercultural Communication Department

E-mail: knel@cs.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 222-73-62